

Пегас с зелёными крыльями

Стихи болгарских поэтов
в переводах
Нади Поповой

Небесное

Звёзды – замочные скважины.
И ангелы – доносчики.
А генерал-полковник Бог
выносит приговор:
в ад,
в рай...

Не скажу, что он справедлив.

Ничьи

Умер хозяин
у собаки с белой курчавой шерстью,
и она очутилась на улице;
стоит возле остановки –
вроде как ближе к людям,
но люди спугнут туда-сюда,
бестолково толкаются,
ибо человеческий хозяин
тоже умер.

Талантливый

Он слышит всё:
как под корой древесной бродят соки,
как всходят семена из-под земли,
как мелкий дождик шепчется с травой,
как облака неспешно
обволакивают ветер...

Такой изысканный, чуткий слух –
раскалывается и лопаются всё
в начале своего существования,
и удаляется, притихнув, всё
в начале увядания и смерти.
Все эти звуки издавна ему доступны.

Калина КОВАЧЕВА

Работала редактором в газетах и журналах. Со студенческих лет занималась альпинизмом; художественным результатом этих волнующих восхождений явились две книги эссеистической прозы: «У меня был друг нищий. Гималайскими тропами» и «В горах Большой обезьяны».

Калина Ковачева – замечательный, тонкий лирик. Издала десяток поэтических сборников, среди которых выделяются «Бюллетень о погоде», «Личные стихотворения», «Я», «Не забыть бы».

Лишь жалкое нащёптыванье славы
его способно оглушить.

***

Припоминаю свою прошлую
жизнь.

Я была собакой у его ног.
Припоминаю свою прошлую жизнь.
Я была кошкой у него на коленях.
Припоминаю свою прошлую жизнь.
Я была птицей на его плече.
Припоминаю свою прошлую жизнь.
Я была жеребенком под его бедрами.
Припоминаю воздух в своей прошлой
жизни –

он дрожал от нежности.
Теперь, в нашей нынешней жизни,
шагаем равнодушно
навстречу друг другу –
людьми.

Забвение

Забыл запах моих волос под дождём,
единственные мои слова,
даже имя моё забыл;
ничего, ничего,
успокойся, милый,
не в моем характере
мелочиться.

На исходе дня

Присев на камень, я смотрю часами
как мимо проплывают облака, проходят люди;
я людям всё давным-давно сказала,
а с облаками разговариваю молча.

Заспанный вариант

Я могла бы пойти по другой улице,
но выбрала именно эту;
могла бы встретить счастливых людей,
но люблю именно этих;
могла бы быть богатой и красивой,
но нравилось себе такой.

Любомир ЛЕВЧЕВ

Окончил философско-исторический факультет Софийского университета. Был главным редактором газеты «Литературен фронт», первым замминистра культуры Болгарии, председателем Союза болгарских писателей. С 1991 года – собственник издательства «Орфей», выпускающего поэтические книги и одноимённый журнал. Автор более 30 книг поэзии, а также художественно-мемуарных романов. Его произведения переведены на многие языки мира. Лауреат престижных литературных премий и высоких государственных наград за вклад в болгарскую культуру.

Римский мост

Ивану Маразову*

Дорога затерялась в горах.
Империя распалась на поверья.
Эпоха вытекла в мистическую воронку.
Один ты, Римский мост, остался цел –
бесцельно уцелев.
Мост из страсти.
Мост из мести.
Мост из экстаза...
Что ты мнишь о себе,

Куда ты ведёшь, горбатое зрелище?
Под тобою уже ничего не течёт.

* профессор, известный болгарский
искусствовед, культуролог, исследователь
древней фракийской цивилизации

У тебя уже нет берегов.
Ты – безбрежен.
Кого же ты сводишь,
раз уже самому не под силу
сводить концы с концами?
Почему ты мне нравишься?
Может быть оттого, что так схожи
твоё и моё безумие?

Там, наверху, проплывает
лишь
одинокое облачко,
как душа позабытого бога.
А в самом деле...
В самом деле, с кем я разговариваю?

Конь с зелёными крыльями

Весной
всё зацветает.

Не только цветы и цвета.
Цветут почки и листья.
Цветёт даже невидимое.
Но оно слишком ломко.
Маленькая веточка, сломанная ветром.
Милая веточка с двумя почками
и тремя листочками,

я хотел поднять тебя с дороги,
куда ты упала,
пока тебя не раздавили шины
грузовика.
Но испугался –
как бы не сказали,
что это я тебя сломал. Я...

Каким же я был жалким трусом!
Приближаюсь к своему концу
без боязни
и чувствую, как
ты погружена в сердце моё,
словно в античную вазу.
И чувствую, как ты красива.

Милая веточка,
когда я удалюсь,
когда я стану совсем маленьким,
ты превратишься в мою лошадку.
Да что я говорю!
Ты будешь конём

с зелёными крыльями.

Станка ПЕНЧЕВА

Окончила факультет русской филологии Софийского государственного университета. Работала на радио и в авторитетных литературных журналах «Септември» и «Отечество».

Автор более 30 поэтических сборников и нескольких книг прозы. Лауреат ряда национальных литературных премий. Переводила стихи А.Ахматовой, Б.Ахмадулиной и других современных русских поэтов.

Храм слова

Всю жизнь я стояла в притворе храма.
Позади меня – только нищие у входа.
Впереди меня – огненное сияние алтаря.
Так и стояла в каменном преддверии,
зачарованная эхом ангельских хоралов,
заворожённая сверканьем
золотой пещеры...
Не суждено мне было войти в храм.
Но ведь Бог – повсюду? И отсюда,
где мне отвели место,
я молилась ему всем сердцем,
склонялась смиренно ничком.
И порой мне казалось:
Бог слова

благословляет и меня, непризванную,
стоящую в тёмном притворе
с озарённым лицом...

Стены

Самоубийственно бьётся,
бьётся об стекло
заблудшая пчела.
Вроде бы рядом – простор
и тепло медвяного солнца,
и густой запах майских трав,
а она никак не может
взлететь!
Невидимая злая сила
швыряет её назад, оглушает,
опрокидывает снова и снова –
всё менее золотую,
всё более свинцовую...

Всё более свинцовая,
всё менее золотая –
подошла я к концу своего
длинного дня.

Обессилела от столкновений
о невидимые границы
отпущенного мне Богом.
А какие дали звали меня,
какие дали!..
И приведётся ли увидеть в тот –
последний – час,
как этих стен стекло взрезает
душа моя,
словно алмаз!

Моя вечность

Меня поучали:
люби только то,
что нельзя потерять!

А кому же тогда пожалеть
уязвимое, тленное,
то, что отцветёт
с наступлением вечера?
Моя вечность
состоит из мгновений.
Из инея,
прежде чем его солнце слизнёт.
Из садов, не свхваченных изморозью.
Из стекляно-хрупких близостей
(чем непрочнее –
тем сердцу милей...)
Люби их нежно и грустно,

люби их, пока не растаяли,
не обратились в прах,
пока тебя не покинули
и звук шагов не утих...
Или же –
пока ты не покинула их.

Совпадение

Случилось так, что улитка и моя нога
оказались в одно и то же время
на одном и том же месте.
Жуткий хруст. (Аж до мозга!)
Брезгливость. Чувство вины.
Я не желала тебе зла,
просто тебя не заметила!
Извини...

Душа улитки возноится,
не оставив и следа слезы.
Скоро муравьи растащат оставшееся.
И я через минуту забуду о происшедшем
в вихре житейской беготни...
(Если смотреть с высоты,
не напоминает ли она ползание?)
Но в отличие от других тварей –
я знаю.
И напрягаю слух, и вскакиваю во сне –
не гудит ли уже земля
под роковым шагом?
А у Той просто такая поступь –
идёт, не глядя себе под ноги.
Остаётся одно – чтобы совпали
время и место.

Иван ГРАНИТСКИ

Болгарский журналист, поэт, критик, публицист, издатель и общественный деятель. Автор более 25 поэтических, публицистических и литературно-критических книг, среди которых «Потусторонний сверчок», «Корабль из света», «Храм», «Лето шакалов», «Атлантида», «Безумцы – поводыри слепых», «Начала» и другие. Его стихи переводились на разные языки.

Литография

Бориславу Стоеву

А может, сам ты клоун
в шляпе и с гитарой
или идалго отрешённый
с валторной нежности в обнимку.
Созерцатель пейзажей странных
где жёлто-зелёно-алая разнуданность
тихонько оседает, превращаясь
в рыхлость пашни.

Ты ветер в бурой пелерине,
что гонит пурпурные,
фиолетовые облака
к зениту страсти

Подобно фокуснику, создаёшь миры.
И появляются
загадочные натюрморты.

Порхают фантастические птицы,
рыбины,
собаки.
Катятся красные, синие мячи,
кости игральные.
Пронесётся дома, как междометия.

Повозки с осликами цокают,
сияют дульсиней в сарафанах,
дрозды и соловьи на ветках
заливаются безудержно.

Небритые бродяги,
попрошайки,
трубадуры
наигрывают сарабанду подня.

И сам напоминаешь ты метафору,
деталь точёную
и средоточие искусное,
нюанс каких-то литографий
неземных.

О, осмотрись,
почувствуй,
ощути
палитры осязательную силу –
вулкан из звуков,
красок,
и страстей.

В магическом мерцанье акварели,
графики,
рисунка,
ты сам похож
на пламя Сотворения.

Безначальность

К матче себя приковал
Хитроумный.
Зачем же?

Вряд ли его заманили б сирены.
Видно себя самого он боялся.
Неугасимый огонь сумасбродства,
жаркие угли неуголтых страстей
одиссею душу сжигали,
страшили сознание

Итака всё чаще казалась миражом.
И никакие троянские кони,
битвы, уловки и авантюры
рассеять туман не могли,
боль заглушить,
благородно его
обмануть и повергнуть
в бездну незнания.

Хорошо хоть, что нимфой Калипсо
был предупреждён,
и прозрел Хитроумный,
что смысл пути
в безначальности скрыт.

Так, внезапно себя осознав
в захирении точкой отсчёта,
порождающей Первопричину,
вдруг поймёшь:
Бесконечность сферична
и Душа – её центр,
и она за собой наблюдает

Пётр АНАСТАСОВ

Окончил Русскую гимназию в Софии, затем факультет болгарской филологии Софийского университета. Долгие годы был директором пловдивского издательства «Хр. Г. Данов», а позже – главным редактором двух других столичных издательств. Автор десятка поэтических сборников, его пьесы идут с успехом на сценах театров Болгарии и за рубежом.

До чего хороша ты и вздорна...

С голубицами робкими в паузе,
с польханием вечности в бёдрах
и с отравой на губах...

До чего хороша ты и вздорна...

В дикий мой виноградник
приходишь
и, измяв моё ложе соломенное,
одаряешь любовью пламенно.

Но в душе, сорняками заросшей,
пробуждаются твои сёстры
и камнями тебя отгоняют.

Лишь одна
не нагнулась за камнем,
а в сердцах моё сердце швырнула
прямо в ноги тебе, промолвив:

«До чего хороша ты и вздорна!»

Баллада

Когда его убили в винограднике,
под сенью Дионисия...
Кровь сладостно сочилась

в трещины меж комьями земли.
Свисали над его челом осенним
тяжёлые,
налившиеся гроздья винограда,
и вмиг обрушилась Вселенная
в глаза полукроты.

Когда его убили в винограднике...
Как время бег замедлило,
и сторож полоумный как бежал
к дереве со своим ружьишком.
Умчались птицы вспугнутые,
змеи юркнули в кусты,
и только пыльные жуки
полазили невесть куда своей дорогой.

Когда его убили в винограднике...
Но он лежал под целою Вселенной,
и до чего ничтожной выглядела
потная толпа жандармов.
Звенел сухой истомный полдень,
и выглядели среди виноградника
они жуками пыльными, которые
его трусливо стороной обходят.

Когда его убили в винограднике...
Кровь сладостно сочилась,
а среди сухого полдня солнце
раскинулось недвижно над холмом.

Свисали над его челом осенним
тяжёлые,
налившиеся гроздья винограда,
и время хлынуло по всем дорогам
прямым путём к свободе...

Лесная прогулка

Пчела вонзает гневно жало
в забытый всеми плод малины.
И плачет мелкая брусника
под чьей-то жёсткою подошвой.

Стемнеет вдруг, взвосьётся туча,
и молния её пронизает,
польётся дождь, и я, промокнув,
бегом в нору лесную спрячусь.

Там с медвежатами поплачем
о девушках тех белоногих –
ведь их охотничьи отряды
отстреливали, как косуль...

Болгария

У некоторых народов всё честь-честью –
знают своё место.
Для иных же – всегда места нет.
Им предъявляют штрафной билет.
Им суждено стоять в дверях.
Их место – на небесах.

Светла ГЕОРГИЕВА

Окончила Художественную академию в Софии, работает в области графики и графического дизайна, автор нескольких стенописей и мозаик, художественный оформитель книг. Автор четырёх поэтических сборников и рассказов. Пишет музыку на свои стихи. За музыкальное творчество Светла Георгиева удостоивалась ряда премий на фестивалях авторской песни в Болгарии. Член Союза болгарских художников, Союза болгарских писателей и Европейского культурного парламента.

Старая ночная рубашка

Остерегаюсь
коснуться места,
где тебя приключивали
ржавыми гвоздями, и рваная рана
не зарубцевалась.
Остерегаюсь
разворошить
моё гнездо с вопросами –
как бы они не разлетелись,
спугнув нашу тишину.

Остерегаюсь,
следим за тем, чтобы
постель была приветливой,
вино – хорошим,
ласка – терпеливой,
и чтобы сыпались слова,
подобно медленному снегу,
дорогу запорашивая
между мною и тобой...
Так навсегда останется
невидимым
единственно живое –
боль,
а здесь, снаружи,
мир будет выглядеть уютным
и безопасным, словно
поливашая от старости
ночная рубашка.

Улитка

Воспоминанье давнее: мы на песке лежали,
притихшие и солнечные, между нами
разверлось то блаженное безвремье, –
казалось, в нём могло бы счастье прорасти.
Оно ждало лишь крохотного знака...
И я подыскивала слово веское – такое,
чтобы впервые мир его услышал...
И в замешательстве моём миг был упущен;
осталось лишь песчаное молчание,
мало-помалу засыпающее пустоту.

С тех пор прошли года. И вот опять
у моря зарываюсь я лицом в песок,
более робкими, чем некогда предположение, –
она скользила с нежностью неторопливой,
и хрупкая её настойчивость
блестящей, тонкой нитью
помечала мир...

Вдруг я увидела её – миниатюрную улитку,
со скорлупой прозрачно-белой, с рожками,
более робкими, чем некогда предположение, –
она скользила с нежностью неторопливой,
и хрупкая её настойчивость
блестящей, тонкой нитью
помечала мир...

По следу я назад, сквозь толщу лет, вернулась
на тот, безмолвным солнцем освещённый пляж,
к слову, которое тогда найти не удалось,
но всё же
оно ползло за мною следом, оставляя
дорожку перламутровую, –
чтобы именно сейчас
я, наконец, смогла б его увидеть.

Капитан

Годами я его выдумывала.
В белом с головы до ног,
с теми золотыми приборками,
трепещущими на груди,
сверкающими пуговицами на белом кителе
и вязью той таинственной шнуров,
подобной писменам старинной мудрой книги.
Он – созданный, чтобы проществовать
морскими шумными бульварами
чеканной поступью избранныка. Родённый –
чтобы в покер выиграть. Обречённый
быть победителем. И в силу этого
приговорённый к одиночеству.

Мир выглядел надёжнее и правильнее
с ним... и с надеждой, пусть во сне,
о праздничных портах, встречающих
вернувшийся из плаванья «Титаник».

Единственно забыла выдумать
ему лицо. И как же мне узнать его
теперь, когда в пучинах времени
титаники бесповоротно потонули,
теперь, когда он на берег сошёл
без золотых тех пуговиц,
без белого сверкающего кителя –
теперь, спустя так много лет...